

УДК 930.26+551.796(571.56)

А.Д. Степанов¹, Я.В. Кузьмин², Г.В.Л. Ходжинс³, Э.Дж.Т. Джалл³¹*Музей археологии и этнографии Северо-Восточного федерального университета
ул. Кулаковского, 48, Якутск, 677000, Россия**E-mail: tae-ysu@mail.ru*²*Институт геологии и минералогии СО РАН
пр. Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия**E-mail: kuzmin@fulbrightmail.org*³*Лаборатория ускорительной масс-спектрометрии Национального научного фонда США,
Университет Аризоны (г. Тусон), США**NSF-Arizona AMS Laboratory, University of Arizona, Tucson, AZ 85721-0081, USA**E-mail: ghodgins@physics.arizona.edu; jull@u.arizona.edu*

ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРЯДА И ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КЁРДЮГЕНСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ ЫМЫЯХТАХСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ЯКУТИЯ)*

В результате последних исследований Кёрдюгенского погребения позднего неолита в Якутии получена серия радиоуглеродных дат, которая подтвердила его принадлежность к ымыхтахской культуре. Дается новая интерпретация особенностей погребального обряда. Рассматриваются вероятные причины нарушения погребения. Присутствие расчлененных костей второго человека, возможно, свидетельствует о практике человеческих жертвоприношений. Поднимается вопрос о времени возникновения и правомерности выделения таких социальных групп, как воины, в позднем неолите Северо-Восточной Азии в контексте наглядно представленной воинской дифференциации.

Ключевые слова: Кёрдюгенское погребение, ымыхтахская культура, воин, щит, доспехи, обряд, огонь, жертвоприношение.

Введение

Поздненеолитическое погребение воина с доспехом и щитом из костяных пластин, относящееся к ымыхтахской культуре, обнаружено А.Д. Степановым в ходе работ Заречного отряда археологической экспедиции Якутского государственного университета в 2004 г. в 9 км к северу от с. Чурапча Чурапчинского р-на Республики Саха (Якутия) [Алексеев и др., 2006]. При разведочной шурфовке сначала были найдены костяные прямоугольные пластины (как выяснилось позднее, части щита), лежавшие неглубоко от поверхности. При дальнейшей рас-

чистке обнажились пластины доспеха и фрагменты человеческих костей («верхнее скопление», костяк № 2). Эти останки создали впечатление, что древняя могила разрушена позднейшим погребением XIX в. По мере продолжения расчистки были обнаружены ряды пластин щита и лобная кость черепа у южной стенки раскопа. Только тогда стало ясно, что основное погребение (костяк № 1) находится в относительной сохранности.

Характерное развитие костей кёрдюгенского воина, их дефекты и повреждения определяют физически очень сильного человека с большой мышечной массой. Следы переломов левой ноги и компрессионных травм суставов рук и ног, видимо, в результате падения или прыжка с большой высоты [Чикишева, Поздняков, 2006] свидетельствуют о необычно экстрем-

*Работа выполнена при финансовой поддержке Национального научного фонда США (EAR04-48416).

мальном образе жизни, выходящем за рамки ведения традиционного охотниччьего хозяйства.

В данной работе представлены радиоуглеродные даты, полученные после 2006 г., и новые интерпретации погребального обряда.

Описание погребения

Погребение двойное. Почти полный костяк (№ 1) принадлежал мужчине зрелого возраста (40–50 лет [Чикишева, Поздняков, 2006]), погребенному в вытянутом положении на спине, головой на юго-юго-восток (с отклонением 22–23° к востоку), параллельно озеру, кисти покоялись на тазе. Инвентарь погребения и кости находились на глубине от 7 до 35 см. Немногочисленные фрагменты костей, названные «верхним

скоплением» (костяк № 2), были уложены кучкой у правого колена погребенного (далее под ним понимается костяк № 1). Он был полностью укрыт щитом почти в рост человека, состоящим из более 100 костяных прямоугольных пластин, большинство из которых сломаны. Пластины на щите располагались горизонтально двумя рядами. В ногах погребенного был уложен доспех из более 50 длинных роговых пластин с отверстиями для крепления (рис. 1).

Прочий сопроводительный инвентарь состоял из 30 каменных предметов (17 наконечников стрел, 5 отщепов, скобель, концевой подтреугольный скребок, многофасеточный резец, долотце, боковой скребок-нож, песчаный абразив, сланцевый нож, тесло) и 10 фрагментированных костяных изделий (фрагменты обкладок лука, лощило из рога, сломанный гарпун без острия, обломок насада (гарпуна?), шиловидное острье с

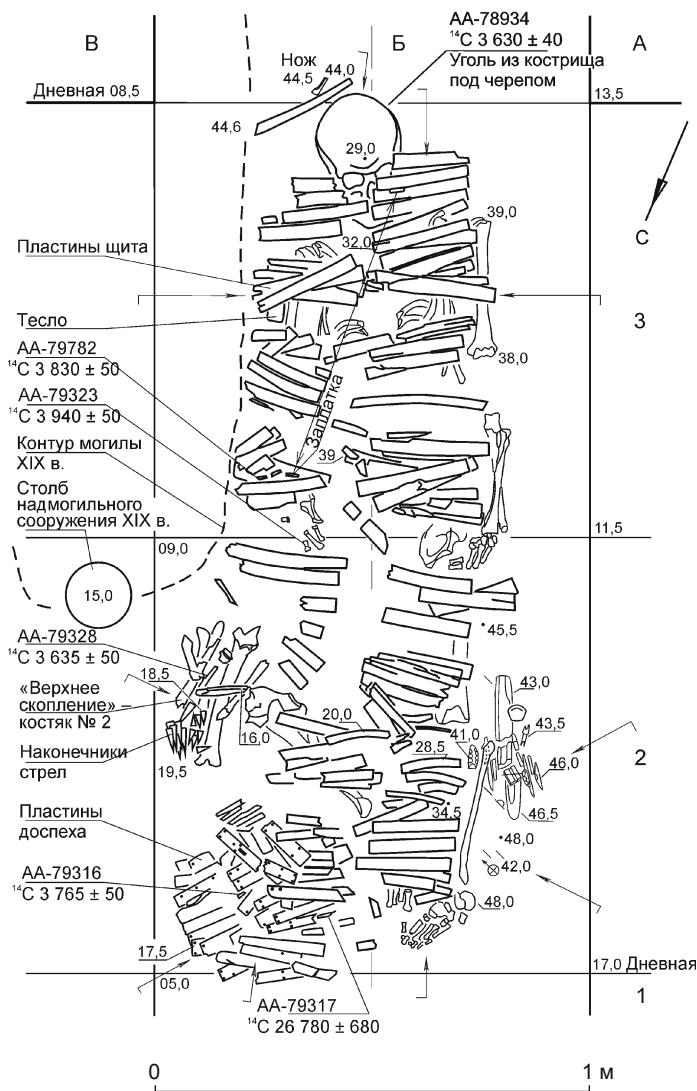

Рис. 1. План Кёрдюгенского погребения со щитом и доспехом.

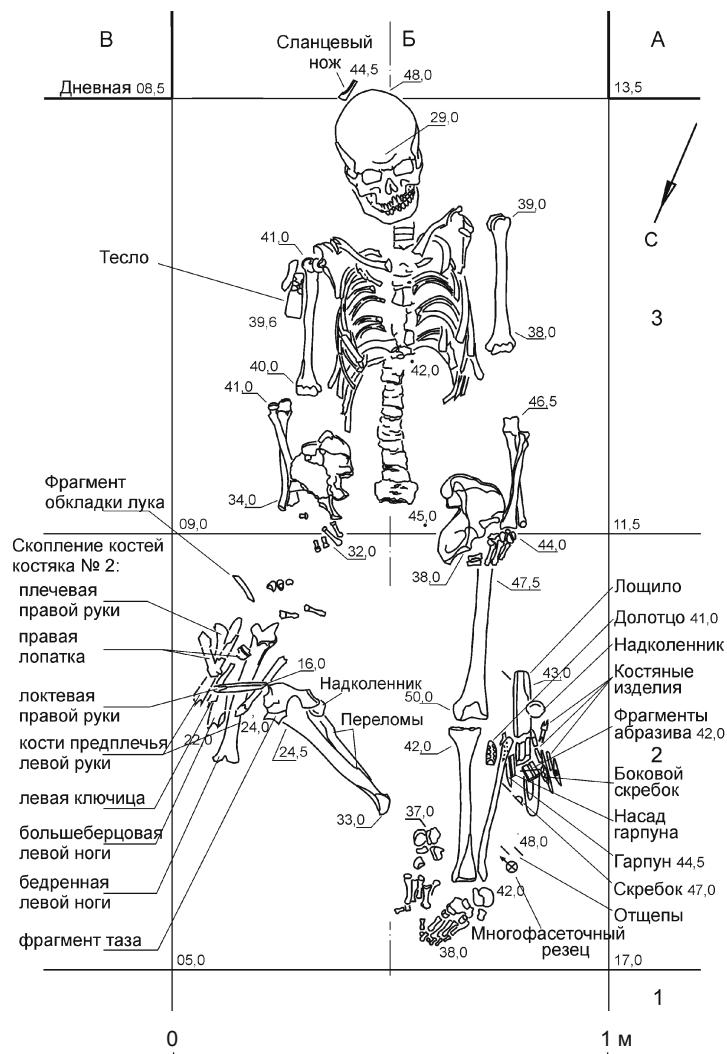

Рис. 2. План костяка № 1.

односторонне уплощенным насадом, фрагменты по- средников-держателей (в т.ч. стерженек рыболовного крючка?) и изделие неясного назначения) [Алексеев и др., 2006, рис. 10–12]. Часть инвентаря была уложена у левой ноги погребенного (рис. 2). Наконечники стрел и обкладки лука находились с правой стороны в районе бедра. В изголовье был найден шлифованный нож из сланца, у правой плечевой кости – сланцевое шлифованное тесло с массивным черешковым насадом.

Под черепом находилось небольшое пятно прокала грунта с немногочисленными угольками (рис. 3). При внимательном исследовании черепа обнаружилось, что слабые красновато-коричневые пятна на его поверхности являются следами обожженности, а не патиной, как представлялось ранее; это стало ясно при сравнении с явными следами обожженности на нижней челюсти. Видимо, погребенный был уложен головой в еще не потухший небольшой костер или, что вернее, огонь разожгли непосредственно под голо-

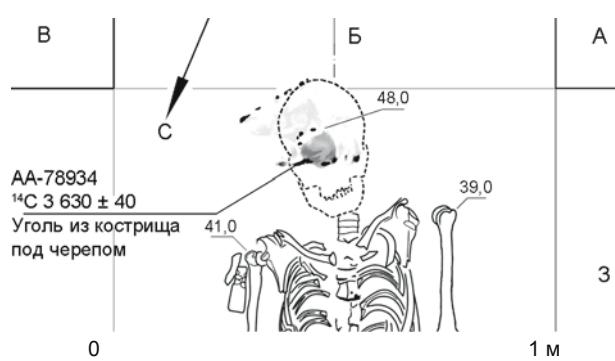

Рис. 3. Деталь погребения Кёрдюген: пятно прокала грунта с угольками под черепом.

вой покойника. Ранее предполагалось, что здесь имел место символический обряд очищения могилы до помещения в нее покойного [Там же, с. 49].

Радиоуглеродное датирование

В 2008 г. в Лаборатории ускорительной масс-спектрометрии Университета Аризоны было получено шесть радиоуглеродных дат (см. таблицу). Все они, за исключением одной (AA-79317), близки между собой и согласуются с датами ымяхтахских могильников Чучур-Муран (по углю) и Диринг-Юрях (по кости) – соответственно $3\ 800 \pm 400$ (ЛЕ-1025) и $3\ 840 \pm 50$ (ГИН-4794) л.н. [Федосеева, 1980, с. 81; 1988, с. 86], в целом подтверждая предварительную датировку Кёрдюгенского погребения. Дата $26\ 780 \pm 680$ л.н. (AA-79317), полученная по небольшому фрагменту латной пластины, имевшей характерную мелкопористую структуру рога, указывает на то, что первобытные люди могли использовать при необходимости найденные кости более древних животных.

Погребальный инвентарь и представления о душах предметов

Снабжение погребальным инвентарем исходит из религиозных представлений о загробной жизни как продолжении земной [Штернберг, 1936, с. 330]. ымяхтахское погребение Кёрдюген, как, впрочем, и другие неолитические, отражает уже достаточно развитые в этом отношении религиозные взгляды, но здесь имеются интересные особенности.

Все костяные изделия, кроме, возможно, лощила и заостренного с двух концов предмета, давно сломанные или старые. Создается впечатление, что в могилу положили обломки уже ненужных в быту и на охоте предметов, что в целом противоречит традиционным представлениям о сопроводительных вещах, которые должны служить хозяину в стране мертвых сами

или своими освобожденными душами [Леви-Брюль, 1930, с. 249; Штернберг, 1933; Тайлер, 1989, с. 241–251; Иохельсон, 2005, с. 325]. Так, у гарпуна нет острия с бородкой; судя по отсутствию его обломка среди сопроводительного инвентаря и по излому, орудие было сломано давно, а не перед погребением. В таком же состоянии находятся и другие вещи. Например, стержневидное острие (бывшее когда-то наконечником стрелы) имеет вид старого затупленного орудия, использовавшегося, очевидно, в качестве шила.

У давно сломанной вещи, если следовать логике представлений некоторых народов Севера и Дальнего Востока, душа должна отсутствовать – вещь мертва, по крайней мере, до ее перерождения (починки, переделывания). Если такой предмет положить в могилу, то теряется лейтмотив, заключенный в самом ритуале порчи и повреждения (умерщвления) вещей, освобожденные души которых сопровождают покойного. В другом случае, когда вещи призваны сопровождать умершего в неизменном виде и исправном состоянии, сломанные или старые предметы равно могут оказаться бесполезными и для покойника.

В целом в Кёрдюгенском погребении не прослеживается последовательность во взгляде на сломанные вещи как на антитезную противоположность вещей мира живых и мира мертвых – «здесь мертвое – там живое, здесь поврежденное – там невредимое...» [Кулемзин, Лукина, 1992, с. 108], – т.к. не все предметы выглядят сломанными. С.А. Федосеева, исследовавшая материалы Диринг-Юряхского могильника, особо отметила отсутствие намеренно сломанных предметов [1992, с. 92]. То есть, вероятно, согласно верованиям ымяхтахцев, умершего должны были сопровождать сами вещи, а не их освобожденные души. Хотя утверждать это со всей определенностью не приходится, для освобождения души вещей их повреждение

Радиоуглеродные даты Кёрдюгенского погребения

Индекс лаборатории	Материал	Радиоуглеродная дата, л.н.	Калиброванная дата ($2\ \sigma$), лет до н.э.* ¹	$\delta^{13}\text{C}$, ‰
AA-79323	Кость* ²	$3\ 940 \pm 50$	2 570–2 290	-19,8
AA-79328	Кость* ³	$3\ 635 \pm 50$	2 190–1 880	-21,3
AA-78934	Уголь* ⁴	$3\ 630 \pm 40$	2 130–1 890	-22,9
AA-79316	Рог* ⁵	$3\ 765 \pm 50$	2 330–1 980	-21,1
AA-79317	Рог* ⁵	$26\ 780 \pm 680$	30 900–28 240	-21,5
AA-79782	Кость* ⁶	$3\ 830 \pm 50$	2 460–2 140	-21,7

*¹Использована калибровочная программа Calib Rev 6.0.1; все интервалы округлены до 10 лет и объединены.

*²Дата получена по коллагену костяка № 1.

*³Дата получена по коллагену костяка № 2.

*⁴Образец из костра под черепом костяка № 1.

*⁵Образцы от пластин доспехов; дата получена по коллагену.

*⁶Образец от пластины щита; дата получена по обугленному коллагену.

не является обязательным, и не все народы придерживались данного ритуала. Анимистические представления о душах вещей имеют очень древние корни. Э.Б. Тайлер признает вполне обоснованным мнение американского писателя У. Альджера о том, что «обычай хоронить или сжигать предметы вместе с умершими людьми возник, вероятно, по крайней мере в некоторых случаях, из предположения, что каждая вещь имеет свою тень» [1989, с. 241–245].

Возможно, сломанные и старые костяные изделия наряду с кремневым инвентарем составляли содержимое «сумки охотника» или «походной сумки», положенной при погребении у левой ноги. В этом случае мы имеем едва ли не уникальное свидетельство столь бережного отношения к таким вещам в каменном веке, поскольку считается, что люди того времени старались не обременять себя ненужными предметами, когда любую вещь они могли изготовить из подручных материалов – камня и кости.

Любопытным является и присутствие лошила, причем оно не было изначально сломанным. Но в захоронении такого ранга более уместно наличие кинжала. Думается, лошило положили взамен оставленного для живых или вовсе отсутствовавшего кинжала, хотя, возможно, оно тоже было в составе содержимого «сумки». Интересно, что отщепы также находились в общем скоплении, т.е. они, очевидно, не несли здесь самостоятельной ритуальной и сакральной нагрузки, будучи просто частью вещей из «сумки».

Положение шлифованного ножа в изголовье может иметь отношение к костру – видимо, им подготавливались стружки, после чего нож был оставлен на месте. Косвенно на это указывает светло-серый цвет одной его стороны, свидетельствующий о кратковременном термическом воздействии.

Расположение тесла у правого плеча, а не в общем скоплении у ноги, очевидно, объясняется размещением избранных предметов (как, например, лука и стрел) с правой стороны. С этим орудием вообще может быть связана особая символика, т.к. тесла и топоры относятся к достаточно редким сопроводительным предметам в погребальных обрядах. Например, в Диринг-Юряхском могильнике отсутствуют каменные рубящие орудия, хотя предполагалось наличие металлических [Федосеева, 1992, с. 92]; нет их и в Чучур-Муранском могильнике [Федосеева, 1980, с. 61–86].

Особый интерес вызывает находившийся в ногах погребенного доспех. Его пластины располагались скоплениями в три–четыре слоя. В каждом скоплении пластины связаны друг с другом в один блок, являющийся составной частью доспеха. Взаиморасположение этих блоков, как оказалось, не соответствует их последовательности в доспехе, что затрудняет его реконструкцию, которая далека от завершения. Скорее

всего, доспех был уложен в могилу в полуразобранном и, возможно, не полном состоянии. Истинные мотивы его разборки и помещения в ногах погребенного остаются пока неизвестными.

Роль огня в погребальном обряде

Интересно расположение т.н. очистительного костра. В первой публикации было высказано предположение об очищении могильной ямы огнем [Алексеев и др., 2006, с. 49]. Исследование черепа показало, что костер, видимо, еще горел, когда умершего клали в могилу, или, скорее всего, огонь разожгли непосредственно под его головой, предварительно подготовив буквально несколько веток, которые подожгли после того, как положили покойного. Костерок горел недолго и несильно – сожжение головы здесь было, собственно, условное.

Обозначенное сожжение головы, очевидно, не случайно и может быть одним из немногих указаний на существование у юмыяхтахцев представлений о связи головы с душой или одной из душ человека, живущей в голове или волосах. Так, у тундровых юкагиров «головной» душой считалась *нуннинг* [Иохельсон, 2005, с. 232]; согласно верованиям якутов, главная из трех душ *ийэ-кут* входила в человека во время рождения через темя [Кулаковский, 1923, с. 62]. В целом подобные представления о нахождении души или одной из душ в голове, внедрении и выходе через нее (рот, нос, уши, темя) имеют весьма широкий ареал и, видимо, достаточно древние корни [Тайлер, 1989, с. 215–216; Иохельсон, 2005, с. 228–233; Гурвич, 1977, с. 220–221; Фрэзер, 2001, с. 244–246, 268–269]. Об особой значимости головы в представлениях древних свидетельствуют археологически зафиксированные обряды погребения черепов [Федосеева, 1968, с. 25–27; Окладников, 1955, с. 317–318; Матвеев, 1979, с. 28; Maringer, 1982; Keeley, 1996, р. 102; Новиков, Вебер, Горюнова, 2010, с. 183, 185], а также небезызвестные охота за головами и культ черепов. Обряд с сожжением головы отмечен на Верхоленском могильнике (погребения 21, 25 по новой оцифровке), где головы погребенных были сожжены полностью, и даже с верхней частью туловища [Окладников, 1955, с. 319; 1978, с. 30, 39].

Использование огня в погребальной практике трактуется однозначно – он рассматривается в качестве «медиатора между небом и землей» [Лбова, Жамбалтарова, Конев, 2008, с. 154]. Огонь непосредственно под головой погребенного, возможно, связывался с переходом души на небо к высшим духам или в страну мертвых. С.А. Токарев допускал, что имеется некоторая связь идеи небесного мира душ с практикой трупосожжения, хотя в целом был абсолютно не со-

гласен с положением, выдвинутым в начале XX в. известным английским этнологом-диффузионистом [Rivers, 1914, р. 550–580]: «...нельзя, конечно, согласиться с Риверсом, который... полагал, что вера в небесный мир душ породила обычай трупосожжения» [Токарев, 1990, с. 197].

Кроме того, огонь, вероятно, был призван очистить душу от злых духов, стать преградой на пути ее превращения в зловредного призрака. Другой причиной обезвредить покойника могла быть смерть от болезни. Считалось, что больной человек пожирается злыми духами, вселившимися в него вместо какой-нибудь похищенной ими души. Эти представления тоже достаточно универсальны и известны у различных народов [Богораз, 1939, с. 12–17; Антропова, 1976, с. 258; Попов, 1976, с. 34; Элиаде, 2002, с. 64; Иохельсон, 2005, с. 230].

Во всяком случае, в обряде с сожжением головы можно усматривать роль огня как очистительной и охранительной силы, а также как средства, транспортирующего душу в Верхний мир. Этот обряд указывает, по нашему мнению, на особый социальный статус покойного.

Погребальная ориентировка: река Лена – путь в страну мертвых

Ориентировка погребенного по линии ЮЮВ–ССЗ является параллельной не только озеру, но и р. Лене (ногами вниз по течению). Сопоставление реки с мифической дорогой в мир мертвых, находящейся в устье, бытует у многих сибирских народов [Штернберг, 1933; Анисимов, 1958, с. 58–61]. Считается, что попасть туда можно, спускаясь (либо сплавляясь) по реке. Ымыяхтахские погребенные ориентированы ногами вниз по течению, видимо, чтобы покойник не ошибся в направлении своего движения к устью реки.

Но р. Лена находится на удалении 125 км к востоку, а озерный сток в районе погребения, направленный в противоположную сторону (на юго-восток, в сторону речки Татта), остался проигнорированным. В этой связи очевидно, что у ымыяхтахцев основной была пространственная ориентация по сторонам света, где мир мертвых располагался на севере – в устье р. Лены. Соблюдавшаяся параллельность береговой линии, независимо от направления течения мелких речных стоков, свидетельствует о том, что именно р. Лена могла быть условной дорогой в страну мертвых.

Хотелось бы отметить, что Родинское погребение (относимое некоторыми исследователями к ымыяхтахским), где умерший был уложен головой на воссток, ногами к р. Пантелеихе и в целом к р. Колыме [Кистенев, 1980, с. 79–87], не соответствует простран-

ственной ориентации ымыяхтахских погребений и, очевидно, не относится к таковым, сближаясь по этой характеристике с белькачинскими – Туй-Хая на р. Вилюе, Джикимда на р. Олекме и Онньёс на р. Амге, в которых погребенные тоже ориентированы ногами или головой (Онньёсское погребение).

Ориентирование могилы вдоль реки было обусловлено, видимо, семантическим значением реки как мифической дороги, связывающей миры и ведущей в мир мертвых, который находился на севере и ассоциировался с Нижним миром. Безусловно, в космологии ымыяхтахцев существовали представления не только о горизонтальной организации пространства, с идеей верха и низа – Верхнего, Среднего и Нижнего миров, о чем косвенно свидетельствует ымыяхтахская традиция ориентации погребенных головой вверх по течению реки, на юг, где должен находиться Верхний мир, и ногами вниз по течению, на север, где – Нижний мир; но и о вертикальной, на что указывают обряд ингумации, сопроводительный инвентарь, применение огня.

Нарушения погребения

Ряд костей (практически весь костяк № 2, лобная часть черепа костяка № 1), а также некоторые пластины щита и доспеха имеют следы воздушной эрозии и отличаются трещиноватой поверхностью с рыхлой структурой и характерным белесым цветом. Дата, полученная по костяку № 2, на 300–400 лет моложе, чем определенная по костяку № 1, но практически совпадает с датой по углю из-под черепа воина (см. таблицу). В целом данные радиоуглеродного датирования свидетельствуют о единовременном погребении. Тем не менее положение костяка № 2 и его фрагментированность, совместно с близким расположением могилы XIX в., заставляют связывать их с возможным нарушением древнего погребения.

Ранее предполагалось, что погребальный комплекс был нарушен грабителями. После внимательного камерального анализа всех материалов в нарушениях первоначального положения погребения усматриваются два момента. Первый – естественные смещения в ходе мерзлотных процессов, из-за чего наблюдается расплывание пластин щита и костей погребенного, повреждение части костяных изделий, в т. ч. лощила, пластин щита и доспеха. Бугор мерзлотного пучения, образовавшийся под правой ногой погребенного, приподнял часть погребения, обнажив костяк № 2 [Алексеев и др., 2006, рис. 4]. Большинство этих костей имеют одностороннюю выветрелость. Их нижняя часть, обращенная к земле, осталась невыветрелой. Так, на нижней стороне бедренной кости костяка № 2 сохранились даже сле-

ды вен*. На наш взгляд, это свидетельствует в пользу того, что выветрелость данных костей не является результатом первичного воздушного захоронения.

Второй момент связан с нарушениями явно внешнего свойства.

1. Некоторые нарушения вызваны деятельностью полевых мышей или крыс, т.к. на пластинах щита и на любой части черепа имеются следы погрызов и кислотного воздействия мочевины, вплоть до сквозных дыр. Кроме того, на пластинах доспеха и щита наблюдаются царапины, особенно глубокие на более мягких роговых пластинах доспеха. То есть смещение пластин могло быть результатом деятельности грызунов, а не грабителей; воздушная эрозия на черепе и пластинах щита могла образоваться в норных ходах.

2. Пластины правого края щита были обломаны при заложении погребальной ямы XIX в. (см. рис. 1). Многие другие пластины могли быть сломаны из-за неглубокого залегания погребения, т.е. в результате давления сверху. Как уже говорилось, вначале сложилось впечатление, что фрагменты костяка № 2 были повторно захоронены после случайного повреждения древнего погребения при закладке могилы XIX в. Но присутствие в «верхнем скоплении» аккуратно положенных кремневых наконечников стрел (рис. 4) говорит о том, что его появление не может быть связано с погребением XIX в. Кроме того, менталитет людей этого времени не позволил бы рыть могильную яму, извлекая кости другого, пусть даже древнего погребения.

3. Можно также допустить, что был совершен один из постпогребальных обрядов (обезвреживание), при которых кости извлекаются из могилы и перемешиваются либо в нее подкладываются кости из других погребений, в т.ч. в целях вторичного захоронения. Подобная постпогребальная (или вторичная погребальная) практика известна с древних времен и имеет весьма широкое распространение [Матюшенко, Синицина, 1988; Базалийский, 2006; Флёрнов, 2007]. К нарушениям, имеющим отношение к возможному постпогребальному обряду, можно отнести сломанные пластины щита, лежавшие над правым бедром погребенного. В этом месте, как оказалось, бедренная кость костяка № 1 отсутствует (находившаяся здесь бедренная кость с разрушенными эпифизами, первоначально отнесенная нами к костяку № 1, как выяснилось в ходе антропологического исследования, принадлежит костяку № 2) (см. рис. 2).

Особое внимание привлекает положение берцовой кости и костей стопы правой ноги. Его нельзя объяснить только действием мерзлотной деформации, в результате которого кости стопы были смещены вслед за

Рис. 4. Скопления костей костяка № 2 и наконечников стрел.

берцовой, т.к. слишком велика амплитуда смещения относительно других костей и предметов.

Таким образом, напрашивается предположение, что по каким-то причинам была удалена правая бедренная кость воина (костяк № 1) и подложены кости второго костяка. Подобный обряд совершался обычно после полного скелетирования погребенного. Однако все говорит о том, что бедро воина было изъято через несколько дней или недель после захоронения.

Наиболее вероятно, что кости правой ноги погребенного были изъяты и смещены в результате разорения могилы хищниками. Возможно, на это указывает отсутствие нескольких фаланг и костей правой кисти. Представляется, что бедро было изъято вскоре после погребения, когда еще сохранялись сухожильные связки или даже мышечная ткань, достаточно крупным и сильным хищником, сумевшим вытянуть его из-под земли. Зверь сдвинул, деформировал и даже разорвал мешавший ему щит, имевший, видимо, кожаную основу (правда, на пластинах не зафиксированы явные следы когтей и зубов). Об этом свидетельствует радиальное расположение пластин щита в месте повреждения (см. рис. 1). На вмешательство хищных животных указывают и следы клыков мелкого хищника (лисы?) на разбитом фрагменте таза костяка № 2. В любом случае, характер повреждений и смещений мало ассоциируется с действиями человека.

Одновременность погребения двух человек остается пока под вопросом, хотя все факты свидетельствуют об этом. Во всяком случае, если и был временной разрыв, то весьма небольшой.

По-видимому, в короткий срок после указанного нарушения могила была восстановлена, т.к. рядом с вновь собранными (или только что уложенными?) фрагментами костяка № 2 аккуратно, двумя скоплени-

*Нижней называется не центральная сторона костей, а сторона, на которой они залегали в момент обнаружения.

ями (короткие отдельно от длинных), были собраны и/или уложены наконечники стрел, возможно лежавшие в колчане (см. рис. 4).

Социальный статус погребенного

Усиленный костяными пластинами щит и наборный панцирь из роговых пластин свидетельствуют о значительном развитии военного дела уже во второй половине III тыс. до н.э. Появление усиленного щита подразумевает бытование простого (кожаного), остатки которого не доходят до наших дней, а также существование воинов с более легким вооружением – без щита и доспехов (простые охотники). Примером воинской дифференциации может служить специализация воинов у эскимосов аляскинского Берингоморья, где воины в панцирях были структурной частью общего военного формирования [Malaurie, 1974, р. 147; Шнирельман, 1994, с. 109].

Действительно, трудно представить, что тяжело-вооруженные воины (в доспехах и со щитами в рост человека, не обязательно усиленными костяными пластинами) были самодостаточным воинским подразделением. Вероятнее всего, они составляли особую, относительно немногочисленную группу, своего рода костяк и элиту ымыяхтского родового войска. По мнению В.А. Шнирельмана, который ссылается на известного исследователя войны К. Оттербайна [Otterbein, 1970, р. 49–51], «защитное вооружение, безусловно, свидетельствует об относительно регулярных вооруженных столкновениях. Кроме того, защитное вооружение в своей тенденции сопоставляется с достаточно дифференцированным обществом, развитием систем более или менее централизованной власти, появлением воинов-профессионалов и т.д.» [Шнирельман, 1994, с. 36].

Согласно исследованиям К. Оттербайна, немногие общества с военной организацией имели возможность использовать щиты совместно с броней, т.к. ее изготовление было технологически трудоемким [Otterbein, 1970, р. 49–50]. В нашем случае и пластинчатый щит весьма сложное изделие: изготовление тонких пластин из костей ног лося (которых, кстати, требовалось немалое количество), буквально филигранная подгонка их друг к другу (чтобы не было щелей на стыках), наклеивание на кожаную основу, шлифование уже наклеенных пластин – все это требовало от мастера немалой квалификации.

Изготовление такого трудозатратного воинского снаряжения означает, что первобытные воины-охотники (или только их определенная часть – воины или даже мастера) были вынуждены уделять много времени подготовке к военным действиям и что вооруженные конфликты переросли из кратковременных и

эпизодических в частные и систематические, приобретая, видимо, характер непрекращающейся конфронтации, действительные мотивы которой остаются пока неизвестными. Хотя общие причины, как причины войн и военных конфликтов в целом, могут предполагаться [Свод..., 1986, с. 36–37; Шнирельман, 1994; Thorgrøe, 2003, р. 160]. О том, что военные столкновения в ымыяхтском обществе не были редкостью, свидетельствуют наконечники стрел в некоторых костяках из Чучур-Муранского и Диринг-Юряхского могильников, костяные панцирные пластины на стоянках Бурулгино (р. Индигирка), Улахан-Сегеленях, слой VIII (р. Токко) [Федосеева, 1980, с. 81, 210, рис. 87; 1988, с. 87; Алексеев, 1996, с. 56].

На наш взгляд, полный боевой защитный комплект из щита и доспеха, расчлененные кости другого человека (жертвоприношение?) являются вполне красноречивым показателем того, что перед нами не ординарное погребение, а захоронение воина или вождя-военачальника эпохи позднего неолита (здесь подразумевается не племенной или верховный вождь, порожденный институтом вождества, а заслуженно-выборная должность в условиях родовой организации). Вряд ли человек, доживший до 40–50 лет, участвовавший в многочисленных сражениях, обладавший огромной физической силой и значительным военным опытом, имел статус простого охотника или рядового воина. Хотя для погребения вождя (даже выборного ранга) сопроводительный инвентарь весьма скромен – как уже говорилось, вещи из «походной сумки» выглядят старыми и бесполезными в быту. Это наводит на мысль о захоронении в походных условиях. Возможно, отсюда лишь обозначенное, а не полное сожжение головы (из-за недостатка времени?).

Человеческое жертвоприношение?

Одним из загадочных обстоятельств в Кёрдюгенском погребении является присутствие фрагментированных костей второго человека (костяк № 2), судя по фрагменту таза – мужского пола. Предполагается, что это кости одного человека, т.к. нет повторяющихся: лучевые и локтевые кости обеих рук, правая плечевая, правая лопатка и левая ключица, левые большеберцовая и бедренная, фрагмент таза и различные мелкие осколки. Все длинные кости без эпифизов; некоторые из них разбиты, другие – разрушены естественными факторами.

Нам представляется, что разрозненные кости «верхнего скопления», сложенные аккуратной кучкой (при этом не имеет значения – одномоментно с основным погребением или чуть позже), являются собой акт ритуального принесения в жертву человека. Человеческие жертвоприношения относятся к исключительным и

имеющим особую силу, которая кроется в первобытных представлениях о священности крови как воплощения жизненной силы человека [Тайлор, 1989, с. 469; Каневский, 1998, с. 20, 21, 193; Элиаде, 2008, с. 19]. Мотивы могли быть разные: дарительные, просительные, искупительные, благодарственные и т.д. Следует отметить, что человеческие жертвоприношения более всего связаны с какими-то кризисными ситуациями, в т.ч. с военным временем [Зубов, 1997, с. 262].

Возможно, акт принесения жертвы сопровождался каннибализмом, хотя прямых указаний на это нет, за исключением отсутствия эпифизов. Ритуальный каннибализм основывается на первобытных представлениях о некоей жизненной силе, передающейся с человеческой плотью [Lumholtz, 1889, р. 272; Леви-Брюль, 1930, с. 22; Ксенофонтов, 1992, с. 69–70; Каневский, 1998, с. 20–21, 193; Фрэзер, 2001, с. 164–165]. В хосунных (героических) преданиях северных народов встречаются упоминания о вкушении победителями костного мозга побежденных [Ксенофонтов, 1992, с. 236–237, 240–241, 248–249, 254–256; Гурвич, 1977, с. 152–153].

По мнению С.А. Токарева, человеческие жертвоприношения присущи «народам, достигшим относительно высокого уровня общественного развития, с отчетливой классовой структурой» [1990, с. 597]. Если следовать этому тезису, то принесенный в жертву мог быть рабом, хотя, скорее всего, он был военнопленным. Взятых в плен воинов, видимо, еще с ранних этапов человеческого развития, чаще всего пытали, избивали и/или убивали [Malaurie, 1974, р. 134–135; Otterbein, 2000; Нефёдкин, 2003, с. 177–178]. О принесении в жертву рабов и военнопленных, их расчленении и поедании в архаических обществах имеется немало свидетельств [Каневский, 1998; Пропп, 1998, с. 186–187; Шнирельман, 1994, с. 26; Lambert, 2002, р. 210, 212, 221].

Заключение

Кёрдюгенское двойное погребение не только представляется одним из уникальных памятников в сибирской археологии, но и поднимает ряд вопросов. Серия радиоуглеродных дат позволяет говорить о единовременности захоронения двух человек или весьма небольшом хронологическом разрыве. Присутствие расчлененных костей второго человека (возможно, военнопленного, принесенного в жертву) свидетельствует о высоком или особом социальном статусе погребенного – заслуженного воина либо военного вождя (одного из вождей). Подобное исключительное отношение при захоронении избранных или выдающихся членов коллектива отмечают исследователи австралийских аборигенов: «Погребение главарей,

влиятельных стариков, храбрых воинов обставлялось особо сложными ритуалами» [Токарев, 1990, с. 182]. Если это действительно был акт принесения в жертву пленника, то он должен быть связан с каким-то культом, ритуалом, что, возможно, предполагает существование социальной группы, причастной к нему. Вместе с тем совокупность материалов ымыяхтахской культуры в регионе пока не дает оснований для выделения какого-либо специализированного сообщества наподобие тайного или военного, которому могло быть приписано совершение подобного ритуала. Тем не менее данный факт создает своего рода прецедент к постановке вопроса.

Щит и доспехи, которые могли бы послужить живым членам коллектива, очевидно, считались личной собственностью (по социальному статусу?), т.е. эти вещи делались их хозяином или по его заказу и, несмотря на трудозатраты на их изготовление, должны были сопровождать покойного. Существование права собственности на предметы индивидуального пользования в среде ымыяхтахцев отметила еще С.А. Федосеева при исследовании Чучур-Муранского могильника [1980, с. 210]. Вероятно, Кёрдюгенское погребение свидетельствует о заратах частной собственности, вызревающей на фоне усложнения общественного труда, его специализации, индивидуализации и, собственно, отчуждения на основе обмена. Сама дифференциация деятельности является той тенденцией, которая ведет к усложнению жизненных норм потестарного общества, порождая внутренние противоречия и конфликты, и в дальнейшем служит одной из причин его разложения.

Можно допустить, что в недрах ымыяхтахского общества (на определенном этапе – вероятно, с выходом на пик его развития) назрели некоторые черты трансэгалитарного уровня. И военные конфликты, наряду со значительным развитием военного дела (развитое вооружение, функциональная воинская дифференциация) и, возможно, закрытыми (тайными) ритуалами, т.е. с тем, что мы зафиксировали при исследовании Кёрдюгенского погребения, явились внешним выражением общественно-экономического развития. Другим свидетельством этой ступени эволюции ымыяхтахской культуры являются материалы Ди-ринг-Юряхского могильника, который вполне можно причислить к разряду элитных. Указанные черты в полной мере отвечают некоторым социальным и экономическим критериям идентификации трансэгалитарных сообществ охотников-собирателей, предложенным канадскими учеными Д. Оуэнсом и Б. Хайденом [Owens, Hayden, 1997].

С открытием Кёрдюгенского погребения перед исследователями встает вопрос о времени возникновения и правомерности выделения таких социальных групп, как воины (однако не как дружинное форми-

рование), и об их специализированной дифференциации. Кроме того, наличие воинской специализации среди мужчин рода или племени поднимает вопрос о существовании в позднем неолите Северо-Восточной Азии различных организаций: мужских союзов (когда воинами являются все мужчины), возрастных групп (разделение и специализация воинов по возрастным категориям), военной знати (в условном ее значении как особой и заслуженной социальной или возрастной группы).

Вместе с тем следует признать, что социальный и особенно экономический контекст возникновения таких групп воинов в среде носителей ымыяхтахской культуры позднего неолита остается во многом неизвестным. Ясно одно: произошли какие-то изменения в социально-экономическом развитии общества, и они нашли выражение именно на военной тропе. В заключение хочется привести мнение известного исследователя религии и культуры М. Элиаде, с которым мы солидарны: «Если нельзя реконструировать... то надо, по крайней мере, найти аналогии, которые могут, хотя бы косвенно пролить... свет» [Элиаде, 2008, с. 18].

Список литературы

- Алексеев А.Н.** Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 144 с.
- Алексеев А.Н., Жирков Э.К., Степанов А.Д., Шараборин А.К., Алексеева Л.Л.** Погребение ымыяхтахского воина в местности Кёрдюген // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 2. – С. 45–52.
- Анисимов А.Ф.** Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 236 с.
- Антропова В.В.** Представления коряков о рождении, болезни и смерти // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1976. – С. 254–267.
- Базалийский В.И.** «Неординарные» погребения в позднем мезолите – раннем неолите Байкальской Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (мат-лы годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2006 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 12, ч. 1. – С. 17–21.
- Богораз В.Г.** Чукчи. – Л.: Главсевморпуть, 1939. – Ч. 2: Религия. – 212 с.
- Гуревич И.С.** Культура северных якутов-оленеводов (к вопросу о поздних этапах формирования якутского народа). – М.: Наука, 1977. – 247 с.
- Зубов А.Б.** История религий: Доисторические и внеисторические религии: курс лекций. – М.: Планета детей, 1997. – 344 с.
- Иохельсон В.И.** Юкагиры и юкагиризованные тунгусы: пер. с англ. изд. 1975 г. – Новосибирск: Наука, 2005. – 674 с.
- Каневский Л.К.** Каннибализм. – М.: Крон-Пресс, 1998. – 544 с.
- Кистенев С.П.** Новые археологические памятники бассейна Колымы // Новое в археологии Якутии. – Якутск: Якут. фил. СО АН СССР, 1980. – С. 74–87.
- Ксенофонтов Г.В.** Ураангхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. – 2-е изд. – Якутск: Нац. кн. изд-во, 1992. – Т. 1, кн. 2. – 318 с.
- Кулаковский А.Е.** Материалы для изучения верований якутов. – Якутск: Кн. изд-во, 1923. – 108 с.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В.** Знакомьтесь: ханты. – Новосибирск: Наука, 1992. – 136 с.
- Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П.** Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 248 с.
- Леви-Брюль Л.** Первобытное мышление. – М.: Атеист, 1930. – 364 с.
- Матвеев А.В.** Неолитическое погребение на Батуриńskом острове // Сибирь в древности. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 24–30.
- Матющенко В.И., Синицина Г.В.** Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1988. – 135 с.
- Нефёдкин А.К.** Военное дело чукчей (середина XVII – начало XX в.). – СПб.: Петербург. Востоковедение, 2003. – 352 с.
- Новиков А.Г., Вебер А.В., Горюнова О.И.** Погребальные комплексы бронзового века Прибайкалья: могильник Хужир-Нугэ XIV. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 296 с.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Ч. 3: Глазковское время. – 373 с. – (МИА; № 43).
- Окладников А.П.** Верхоленский могильник – памятник древней культуры народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – 288 с.
- Попов А.А.** Душа и смерть по воззрениям нганасанов // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1976. – С. 31–43.
- Пропп В.Я.** Исторические корни волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 1998. – 512 с.
- Свод этнографических понятий и терминов.** – М.: Наука, 1986. – Т. 1: Социально-экономические отношения и соционормативная культура. – 239 с.
- Тайлор Э.Б.** Первобытная культура. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.
- Токарев С.А.** Ранние формы религии. – М.: Политиздат, 1990. – 622 с.
- Федосеева С.А.** Древние культуры Верхнего Вилюя. – М.: Наука, 1968. – 172 с.
- Федосеева С.А.** ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – 224 с.
- Федосеева С.А.** Диринг-Юряхский могильник (грабление могил и проблема зарождения первобытного атеизма) // Археология Якутии. – Якутск: Изд-во Якут. гос. ун-та, 1988. – С. 79–98.
- Федосеева С.А.** Диринг-Юряхский могильник (типология каменного погребального инвентаря и место памятника в древней истории Северо-Восточной Азии) // Археологические исследования в Якутии. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 84–105.

Флёров В.С. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н.э. – IV в. н.э. и Восточной Европы в IV в. до н.э. – XIV в. н.э. – М.: ТАУС, 2007. – 370 с.

Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии: в 2 т. – М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2001. – Т. 1. – 528 с.

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Антропологическое исследование ямы яхтахского воина из местности Кёрдюген // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (мат-лы годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2006 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 12, ч. 1. – С. 234–240.

Шнирельман В.А. У истоков войны и мира. – М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1994. – 176 с. – (Война и мир в ранней истории человечества / А.И. Першиц, Ю.И. Семенов, В.А. Шнирельман: в 2 т.; т. 1).

Штернберг Л.Я. Гиляки, орохи, гольды, ногидальцы, айны. – Хабаровск: Дальгиз, 1933. – 740 с.

Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. – Л.: Ин-т народов Севера ЦИК СССР, 1936. – 584 с.

Элиаде М. Оккультизм, колдовство и моды в культуре. – Киев: София; М.: Гелиос, 2002. – 224 с.

Элиаде М. История веры и религиозных идей. – М.: Академический проект, 2008. – Т. 1: От каменного века до элевсинских мистерий. – 622 с.

Keeley L.H. War before Civilization: The Myth of the Peaceful Savage. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 245 p.

Lambert P.M. The Archaeology of war: a North American perspective // J. of Archaeological Research. – 2002. – Vol. 10, N 3. – P. 207–241.

Lumholtz C. Among Cannibals: An Account of Four Years Travels in Australia and of Camp Life with the Aborigines Queensland. – N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1889. – 395 p.

Malaurie J. Raids et esclavage dans les sociétés autochtones du détroit de Behring // Inter-Nord. – 1974. – N 13/14. – P. 129–155.

Maringer J. Der menschliche Kopf/Schädel in Riten und Kult der vorgeschichtlichen Zeit // Anthropos. – 1982. – Bd. 77, N 5/6. – S. 703–740.

Otterbein K. The Evolution of War: a Cross-Cultural Study. – New Haven: HRAF Press, 1970. – 165 p.

Otterbein K. Killing of captured enemies: a cross-cultural study // Current Anthropology. – 2000. – Vol. 41, N 3. – P. 439–443.

Owens D.A., Hayden B. Prehistoric rites of passage: a comparative study of transegalitarian hunter-gatherers // J. of Anthropological Archaeology. – 1997. – Vol. 16, N 2. – P. 121–161.

Rivers W.H.R. The History of Melanesian Society. – Cambridge: Cambridge University Press, 1914. – Vol. 2. – 610 p.

Thorpe I.J.N. Anthropology, archaeology, and the origin of warfare // World Archaeology. – 2003. – Vol. 35, N 1. – P. 145–165.

*Материал поступил в редакцию 12.11.11 г.,
в окончательном варианте – 23.05.12 г.*